

АЛОГИЗМЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ПОДМЕНЕ ПОНЯТИЯ
Ермакович Е.Е.,
научный руководитель д-р филол. наук Сковородников А. П.
Сибирский федеральный университет

Все алогизмы (приемы и ошибки) можно разделить на группы, в основе которых будет лежать отклонение от одного (иногда – нескольких) из основных законов формальной логики. В данной статье будет рассмотрен один из классов алогизмов, основанных на отклонении от закона тождества.

Закон тождества формулируется в логике следующим образом: «всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе. Это означает, что предмет мысли должен рассматриваться в одном и том же содержании своих признаков на всем протяжении рассуждения или доказательства» [Черняк, 2004: 7]. Существует также такая формулировка: «объем и содержание мысли о каком-либо предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе рассуждения о нем» [Формальная логика, 1977: 77]. Этот закон выражается формулами «Если А, то А» и «А=А».

Из самой формулировки закона мы приходим к двум важным требованиям к содержанию речи: во-первых, нетождественное нельзя принимать за тождественное, во-вторых, не допускается многозначное толкование высказывания, т. е. мысль должна быть сформулирована таким образом, чтобы истолковать ее можно было бы только одним-единственным способом.

Стоит отметить, что, строго говоря, любое слово, использованное не в своем прямом, закреплённом в языке, кодифицированном или узусном значении будет являться алогизмом, и тогда под понятие алогизма попадают все тропы (метафоры, метонимии, эпитеты, олицетворения, гиперболы и т. д.), но в этом случае оказывается размытым понятие логической нормы в речи. Мы считаем, что такое широкое понимание алогизма допустимо, но в таких научных дисциплинах, как лингвокультурология или когнитивная лингвистика. Что касается стилистики, то, на наш взгляд, будет разумнее ограничить нарушения закона тождества по первому приведенному нами условию следующим образом: считать слова и словосочетания, использованные в речи в переносном значении, сохраняющими ситуативное тождество, поскольку одним из условий соблюдения закона тождества является сохранение тождества мысли самой себе в процессе рассуждения, т. е. считать переносные значения слов и словосочетаний в речи их собственными для данного контекста. Иными словами, мы исключаем тропы из числа нарушений закона тождества.

Таким образом, мы получаем три класса алогизмов на основе отклонения от закона тождества: 1) алогизмы, построенные на подмене понятий; 2) алогизмы, построенные на неоднозначности (двусмысленности); 3) алогизмы, построенные на непоследовательности. Остановимся подробнее на первом из них.

Подменой понятий в логике и лингвистике называют такую логическую ошибку, которая заключается в неправомерной замене одного понятия в речи другим. Существует также сходное с ним понятие «подмена тезиса», имеющее аналогичный принцип действия, когда «доказывается не тот тезис, который был сформулирован вначале» [Черняк, 2004: 70]. «Часто такая подмена тезиса осуществляется на почве непонимания смысла тезиса, его нечеткой формулировки или как результат неверных преобразований тезиса с целью придать ему удобную для доказательства форму» [Формальная логика, 1977: 167]. Аналогично подмена понятия (в случае, если это

ошибка, то есть совершена непреднамеренно) возникает из-за нечеткого понимания говорящим смысла используемого им понятия.

Однако, говоря об алогизмах, построенных на подмене понятий, мы имеем в виду не только вид ошибок, получивших данное название, но и группу стилистических фигур. В их число входят: паронимазия, ложная этимология, буквализация (реализация) метафоры. Таким образом эта группа алогизмов основана на механизме подмены, когда слово или словосочетание выступает в речи в не своем значении.

Для примера сравним следующие два высказывания:

- *Гагарин был первым **проходимцем** в космосе.* (Из сочинения)

и

- *Древняя история есть такая история, которая произошла с римлянами, греками, ассирийцами, финикийцами и прочими народами, говорившими на **мертворожденных** языках.* (Н. Тэффи «Древняя история»)

В первом случае мы видим логическую ошибку, заключающуюся в том, что абитуриент использует слово «проходимец», которое означает «мошенник, плут, пройдоха» [БТСРЯ, 2008. С. 1037], в значении «тот, кто побывал где-либо первым».

Во втором случае отклонение от закона тождества происходит по такому же принципу: слово «мертворожденный» не может относиться к языкам, которые когда-то существовали и полноценно функционировали, поскольку означает «рожденный мертвым; заведомо неосуществимый, непригодный для осуществления; нежизненный» [БТСРЯ, 2008. С. 535], и в данном контексте означает просто «мертвый», только здесь девиация совершается намеренно, нарочно, с целью создания комического эффекта, что следует из самого понятия жанра сатиры, в котором написано произведение Н. Тэффи.

Таким образом, сама жанровая форма, диктующая автору определенные условия, становится контекстом, помогающим определить авторскую интенцию и, в зависимости от этого, классифицировать наблюдаемые в тексте отклонения как намеренные или ненамеренные. Жанр сочинения, например, не предполагает наличия комических элементов. Тем не менее, первое из взятых нами высказываний в другом контексте (в том числе, в произведении писателя-сатирика) может оказаться вполне удачной шуткой, если автор при этом по каким-то причинам поставит перед собой задачу осмеять Ю. А. Гагарина или просто «поиграть словами».

Устраняются подобные алогизмы путем лексической замены. В приведенных выше примерах достаточно заменить слово «проходимцем», к примеру, на «первопроходцем» (убрав также определение «первым»), а «мертворожденных» – на «мертвых ныне», и тогда эффект пропадает.

Однако встречаются высказывания, которые трудно привести к нейтральному виду, совершив лишь одну механическую замену, поскольку нарушение логики кроется не столько в лексике, сколько в структуре самой мысли. Рассмотрим такие высказывания:

- *Так как Печорин – **человек лишний**, то и писать о нем – **лишняя** трата времени.* (Из сочинения)

и

- *Доказательство от **противного** – это когда доказывать **противно**, а **приходится**.* (ЛГ № 31. 2010)

«Лишний человек» в литературоведении – это «социально-психологический тип, запечатленный в русской литературе первой половины 19 в.; его главные черты: отчуждение от официальной России, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001. Стб. 485], однако в контексте приведенного высказывания

это понятие подменяется словарным значением слова «лишний»: «такой, без которого можно обойтись, ненужный» [БТСРЯ, 2008. С. 502], так как лишней тратой времени может быть разговор о ненужном человеке, но никак не о типе литературного персонажа, коим является Печорин, особенно если темой сочинения является произведение, в котором этот персонаж изображен. Следовательно, мы можем сделать вывод, что имеем в данном случае дело с ошибкой. Однако в разговоре школьников или студентов, не любящих произведение М. Ю. Лермонтова или его персонажа, подобная фраза ошибкой не окажется, поскольку отразит личное отношение говорящего к предмету разговора либо порадует собеседников остроумной игрой слов.

Аналогичный механизм создания мы наблюдаем во втором случае: понятие «доказательство от противного», т. е. от противоположного (ср.: «**ПРОТИВНЫЙ** <...> Книжн. То, что является обратным данному или требуемому. *Доказательство от противного*» [БТСРЯ, 2008. С. 1032]) подменяется за счет внешнего сходства с понятием «противный» как «очень неприятный, отвратительный» [Там же]. Такой механизм часто используется при создании ложной этимологии. Отметим, однако, что данная фраза, будучи шутливым определением на странице газеты, в учебнике по логике или ораторскому искусству превратится в ошибку, поскольку исказит сущность термина.

Подмена может строиться и за счет нарушения соотношения понятий. Например:

- *Несмотря на множество действующих лиц в романе, главной и значимой фигурой все-таки был и остается Родион Раскольников – Наполеон в душе и преступник в жизни.* (Из сочинения)

и

- *Мы настолько парадоксальны, что по праздникам желаем друг другу счастья в **семейной** и **личной** жизни...* (М. Задорнов, «Мы»)

В первом случае понятия «главный» и «значимый» соотносятся между собой по степени интенсивности: «значимый» - это «имеющий значение, вес, ценность, **важный**» [БТСРЯ, 2008. С. 368], а «главный» - «**самый важный**, основной, центральный» [БТСРЯ, 2008. С. 206]. Таким образом, второе по отношению к первому выступает как интенсив. Тем не менее, автор сочинения, ставя между ними союз «и», фактически отрицает эту иерархию, делая их однопорядковыми, что приводит к подмене не непосредственно понятия, но отношений между понятиями. Отметим также, что в данном случае значительную роль играет порядок слов, поскольку, если сказать «значимой и главной фигурой», смысл фразы несколько изменится и перестанет быть ненормативным, так как эти два определения, не будучи связанными строго иерархическими отношениями, разойдутся семантически, обретя каждое свой оттенок смысла.

Во втором высказывании мы наблюдаем также два определения, связанные между собой отношениями смыслового сходства: понятие личной жизни наряду с другими включает в себя и семейный аспект, но в данном контексте они предстают перед нами как контрарные, т. е. исключают друг друга. Стоит, однако, заметить, что в данном примере сатирик, иронизируя над национальным характером, использует в качестве шутки именно логическую ошибку, что мы видим по его характеристике «парадоксальны» по отношению к русским, и таким образом придает ей статус приема создания комического эффекта, иронии.

В некоторых случаях подмена понятия может быть связана с нарушением лексической сочетаемости:

- *Сзади у поросят находится **кудрявый** хвостик, по которому их отличают от других домашних животных.* (Из сочинений)

и

- *Я высказал предположение, что ходьба по полу верхнего этажа может довести лампу до самого **легкомысленного** падения.* (А. Аверченко «Жалкое существо»)

Под «кудрявым хвостиком» автор, очевидно, подразумевал завитой хвостик, т. е. «имеющий вид спирали; закрученный» [БТСРЯ, 2008. С. 314], но по ошибке подменил одно слово другим, с поросычьим хвостиком не сочетающимся, поскольку вьется у поросят не шерсть на хвостике, а сам он имеет форму спирали.

Во втором случае мы имеем дело с гипаллагой, приемом, состоящем «в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную» [Культура русской речи, 2003. С. 130]. То есть определение «легкомысленный», применимое только к людям и их поступкам, а не к событиям, происходящим с неодушевленными предметами, нормативно относится к ходьбе по полу верхнего этажа, но волей автора – с определенной целью – переносится в конец предложения и связывается с падением лампы. Таким образом, подменяется понятие, с которым связывается определение «легкомысленный».

Подмена понятия может также происходить с фразеологическими единицами при их трансформации или ненормативном употреблении. Рассмотрим такие примеры:

- *Она [А. Ахматова] видела, как совсем еще молодых мальчиков забирали на войну прямо со школьной скамьи. И здесь уже не было ни плохих, ни хороших, ни средних. Всех сровняла и погубила война. И, понимая горе матерей, чьих сыновей отправляют **в виде «пушечного мяса»**, по выражению Виктора Астафьева, она пишет <...> (Из сочинений)*

и

- *- А ну подать сюда эту мерзавку! Были мы **добры молодцы**, а теперь **злые!*** (О. Громыко, «Ведьмины байки»)

В обоих случаях мы видим реализацию (или буквализацию) метафоры, («стилистический прием, который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении» [Культура русской речи, 2003. С. 546]) заключенной во фразеологическом обороте, только в первом такая реализация связана с лексической ошибкой, а во втором – с намерением автора обыграть известное устойчивое выражение. Автор сочинения, употребляя «в виде» вместо «в качестве», невольно «превращает» юношей, отправленных на войну, в некую бесформенную кучу мяса (ср.: «Пушечное мясо. О множестве солдат, обреченных на бессмысленное уничтожение» [БТСРЯ, 2008. С. 1050]). В свою очередь, О. Громыко подменяет устойчивое выражение «добрый молодец», которое означает «молодого мужчину, юношу» в народно-поэтическом языке [БТСРЯ, 2008. С. 264], словосочетанием «добрый молодец», в котором «добрый» имеет самостоятельное значение («благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый, готовый помочь людям (противоп.: злой)» [Там же]) за счет противопоставления («а теперь злые»).

В нашей статье мы сконцентрировали внимание не на функциональной стороне логических девиаций, а на проблеме техники образования алогизмов. Подводя итоги, можно сказать, что механизмы образования логических ошибок и паралогических приемов совпадают, а разграничение заключается в угадывании авторской интенции, которое возможно лишь при наличии достаточного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. - М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
4. Формальная логика. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. – 367 с.
5. Черняк Н. А. Логика: Учебное пособие. – Омск, 2004. – 84 с.